

*Original research paper**Received: 25.01.2020
Accepted: 8.05.2020***ИСТОРИИ УЧЕНИЧЕСТВА-МЕЦЕНАТСТВА
И ИХ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ:
БУНИН – РЕМИЗОВ – ШМЕЛЕВ**

Наталья Блищ

ORCID: 0000-0002-3147-9099

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
blishch@list.ru*

Ключевые слова: *меценатство, эпистолярная проза, мемуары, писательское соперничество*

Институт меценатства всегда играл важную роль в развитии культуры, особенно же был востребован в эмигрантском литературном процессе первой половины XX века. Многие писатели, утратив былую материальную стабильность, в эмиграции жили в бедности, граничащей с нищетой, их литературные заработки были весьма скромными. Если в 1920–1930-е годы в Германии, Чехии, Франции еще издавались русскоязычные журналы и газеты, выходили книги, создавались фонды помощи писателям-эмигрантам, выплачивались субсидии, практиковались благотворительные вечера, выступления с лекциями или чтениями, то в 1940-е и 50-е годы поддерживать приемлемый уровень благосостояния без внешней помощи писателям «первой волны» (особенно старшему поколению) стало почти невозможно.

Статья посвящена малоизвестным случаям меценатства, не получившим такой огласки, как, например, деятельность княгини Марии Тенишевой или Марии Цетлиной¹, – тем связанным с феноменом благотворительности

¹ Еще до эмиграции в Москве Михаил и Мария Цетлины собирали у себя в Трубниковском переулке литературно-художественный кружок. О салоне Цетлиных в Париже на улице Фезандери свои воспоминания оставили Б.К. Зайцев, А.В. Бахрах и М.А. Алданов, называвшие среди его гостей писателей и политиков из разных мировоззренческих «конфессий»: Бунина, Шмелева, Теффи, Ходасевича, Набокова, Милюкова, Керенского, Руднева. В эмиграции первой волны особенно интересен феномен женского меценатства-ученичества. Например, Банин Ум-эль-Бану, дочь бакинского нефтепромышленника Мирзы

и одновременно ученичества историям, которые отразились в эпистолярном и мифотворческом дискурсах трех значительных писателей эмиграции – И.С. Шмелева, А.М. Ремизова, И.А. Бунина.

В самом начале 1940-х гг. между А.М. Ремизовым и И.С. Шмелевым, поселившимися на парижской улице Буало по соседству, установились дружеские контакты. И.С. Шмелев писал своей ученице и тайной меценатке Ольге Бредиус-Субботиной²:

С писателями, как это обычно между писателями, – дружбы не может быть, и не по моей вине: я-то отзывчив. А так, прилично-порядочные отношения – с Зайцевым, больше с Ремизовым, которого я чаще навещаю (он все хиреет) [Шмелев 2005а: 119].

Ремизов, судя по его дневниковым записям и эпистолярным признаниям, подметил, что эмоциональность и страстность натуры Шмелева-человека несколько противоречит благочинному характеру его творчества. В эссе-некрологе об И.С. Шмелеве *Центурион* (1950) Ремизов воссоздает психологический портрет ушедшего друга. Напоминая о юридическом образовании Шмелева, мемуарист подчеркивает, что писатель «держался “белоподкладочников” и сторонился нигилистов». В аксиологической системе Ремизова «юрист» – это проводник показного пафоса и убедительной лжи. Прозвище Шмелева «Благочинный» в ремизовском *Обезвельволтале* обращено к подзаголовку *Очерки русского благочестия* из книги *Лето Господне: праздники, радости, скорби*, написанной в нравоучительных традициях и с подчеркнуто религиозно-публицистическим пафосом. Было у Шмелева и другое «обезьянье» прозвище – «Митрофорный, с палицей». Оба прозвища отражают скрытое противоречие между страстным внутренним миром писателя и внешними благочинными формами публичного поведения.

И.С. Шмелев зачитывал в гостях у Ремизова не только свои произведения, но и фрагменты переписки с почитательницей и ученицей. Вероятно, и образно-тематическое гастрономическое изобилие в произведениях Шмелева последних лет было обусловлено «жизненным текстом» – эпистолярным романом с Бредиус-Субботиной. Вспомним, что в начале 1940-х годов Шмелев переписывает очерки *Лето Господне*, наполняя текст многочисленными гастрономическими лирическими отступлениями. Да и сам Шмелев это осознавал:

Асадулаева, стремилась попасть в круги русской парижской эмиграции и оказывала благотворительную помощь Союзу русских писателей. Известны факты ее знакомства и общения с И.А. Буниным и В.Н. Буниной, Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаевой и А.М. Ремизовым.

² Ольга Александровна Субботина (1904–1959), дочь священника из Рыбинска, бежавшая с семьей в Германию и потом вышедшая замуж за родовитого голландца Арнольда Бредиуса (1903–1982). Переписку с Ольгой Бредиус-Субботиной сам писатель завещал опубликовать, ныне она опубликована и известна как *Роман в письмах*.

Знаешь, я должен написать что-то очень сытное, очень вкусное. Напишу – и все истекнут слюной. Олэк ... губки... глазки... Я снова ожил... я – почти – здоров? [Шмелев 2005а: 536].

Шмелев не только посвятил своего приятеля в любовную эпистолярную историю, но и прочитал в ремизовской «кукушкиной» свою любовную поэму *Петухи*, посвященную возлюбленной. Ю.В. Розанов, тонкий ценитель и исследователь творчества Ремизова, удивлялся:

что эту интимную, для двоих предназначенную вещь Шмелев счел возможным прочесть публично. Но такова уж природа художника ... Послал писатель *Петухов* и своему другу Ивану Ильину [Розанов 2008: 347].

Эпистолярная ученица писателя О.А. Бредиус-Субботина посылает Шмелеву свою сказку. «Учитель» разбирает пробный опыт возлюбленной и предусмотрительно советует ей не увлекаться ремизовщиной:

...сказка, как сказка, должна быть проста, без нагромождений [...] русские народные сказки [...] как проста, как мало «украшений» и «завитков» словесных. Этим недостатком страдает наш «мудрователь словечками» Ремизов [Шмелев 2005б: 262].

Отношение Шмелева к Ремизову резко изменилось после того, как его ученица О. А. Бредиус-Субботина, прочитав статью И. Ильина о Ремизове, заинтересовалась судьбой этого писателя. Шмелев высказал ревнивые предположения и попытался нарисовать пристрастный портрет своего потенциального «соперника»:

Он – уродец, и не без хитринки, знаю. И – часто злой. Но и несчастный. [...] Пусть невольно, Ремизов повел воду на чертову мельницу и внес хоть на грош – соблазну, в иные души [Шмелев 2005б: 532].

Однако корреспондентка успокаивает Шмелева, и успокаивает весьма убедительно:

Чего ты о Ремизове накрутил-надумал! Ты сам такой жалостливый, – неужели ты не подумал о таком простом? Не рисуй себе картин, не существующих обо мне! И будет гораздо легче и благодней у тебя на душе. Абсурдно ведь: ну, неужели ты всерьез поверил, что я могла бы Ремизову писать какое-то «браво»? [Шмелев 2005б: 467]

В очерке-некрологе о Шмелеве Ремизов вскользь упоминает о том, что дружба между писателями в какой-то момент расстроилась: «И долго не идет, [...] Я без кофию не могу, а у Шмелева были какие-то руки и он достанет...» [Ремизов 2000: 132]. И обеспокоенный совсем долгим отсутствием приятеля, эссеист будто бы спрашивает о нем воображаемых знакомых: «Я спрашивал. “Пишет, говорят, да разве не читали его о Москве: ну, и ели ж в старину!”» [Ремизов 2000: 132].

Удивительным образом история соперничества за внимание меценатки повторяется. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов между Буниным и Ремизовым вдруг установился личный контакт, во многом при участии Натальи Кодрянской, урожденной фон Гернгросс (1901–1983), которая оказывала поддержку обоим писателям. Кодрянская вела активную публикаторскую деятельность, используя материалы архивов Ремизова и Бунина. В ее книге *Алексей Ремизов* (Париж, 1959):

дан именно тот образ, который А.М. так хотел оставить о себе в памяти своих современников и последующих поколений: непонятый, гонимый людьми и жизнью ... много горечи [Резникова 1980: 48].

Во второй книге Н. Кодрянской *Ремизов в своих письмах* (Париж, 1977) сохранились не только письма писателя, но приводятся фрагменты дневников, графические рисунки, фотографии, автографы. Оставила Н.В. Кодрянская и воспоминания о И.А. Бунине (*Встречи с Буниным*), в которых мемуаристка говорит о взаимной неприязни между Ремизовым и Буниным. Имея богатый опыт сказочницы³, Н.В. Кодрянская сильно преувеличивает проблему противостояния Бунина и Ремизова. В предисловии к книге *Ремизов в своих письмах* составительница попыталась прояснить проблему – «стилистическими» или «психологическими» были причины расхождений между писателями? Замечу, что никаких расхождений к тому времени между писателями уже не было, а возник, как это часто бывает у натур артистических, сопернический интерес, определивший творческий игровой дискурс. Ярким примером тому служит бунинская ироническая дарственная надпись:

Дорогому Алексею Михайловичу, Мудрейшему и Хитрейшему Великому Бобру, от его почитателя и хулителя, нареченного им Великим Муфтием, с покорнейшей просьбой и просьбой прочесть *Божье Дерево* и *Странствия*. Ив. Бунин. 16.X.1946. Париж [*Литературное наследство* 1973: 344].

Бунинская шуточная аттестация «почитатель и хулитель» позволяет говорить о литературной игре между писателями. Бунин был знаком с мифами североамериканских индейцев и знал о тотеме – Великом Бобре, к которому обращались с молитвой и приносили ему в жертву табак. Будучи заядлым курильщиком, Ремизов ввел шуточную ритуальную традицию: любой гость должен был принести табачное «жертвоприношение». Кроме того, в сочетании с эпитетами «мудрейший и хитрейший» прозвище «Великий Бобер», помимо внешних сходств с образом писателя, может прочитываться как символическое обозначение стлевой позиции Ремизова по отношению к древу русской словесности. Прозвище «Великий Муфтий», которым Ремизов «нарек» Бунина, символизирует одну из

³ Книга Кодрянской *Сказки* (1950) была написана под сильным влиянием Ремизова, она вышла с предисловием писателя и иллюстрациями Н. Гончаровой – художницы, неоднократно рисовавшей Ремизова. В герое ее второй книги *Глобусный человек* угадываются внешние черты Ремизова.

констант бунинского жизнетворчества, а также иллюстрирует его страсть к путешествиям по исламским странам в Малой Азии и Африке.

В общении с ученицей-меценаткой оба писателя талантливо сплетали интриги, каждый из них вел околелитературный диалог в своей стиливой манере. Не без скрытой насмешки над предприимчивостью ученицы Ремизов советовал:

А если будет время, купите альбом, и пусть в нем напишут ... Начнет Муфтий. Лет через 50 как это будет интересно [*Ремизов в своих письмах* 1977: 148].

Разумеется, это был намек на знаменитый многостраничный *Альбом* Марии Цетлиной, исписанный посвящениями и автографами известных писателей. Бунин оставил в нем стихотворное посвящение, а И. Шмелев переписал в него фрагмент из *Неупиваемой чашы*.

Интересны эпистолярные позиции двух писателей. Ремизов с преувеличенной комплиментарностью убеждает обладающую скромным литературным дарованием корреспондентку в ее несомненном таланте: «Единственное имя войдет в русскую литературу и это будет – Кодрянская, все остальные истлеют бумагой своих книг» [*Ремизов в своих письмах* 1977: 327]. Писатель сообщал Кодрянской о своих желаниях достаточно откровенно:

Так ярко видел вас во сне: вы появились вдруг неожиданно. Я спрашиваю: «...а где же Ися⁴»? И вы говорите: пошел вам покупать кофе на 1000 fps. ... Вообще, кофе у меня есть, «мексиканский», нет чаю и нет папирос» [*Ремизов в своих письмах* 1977: 301].

В опубликованной подборке писем, полученных Кодрянской от Буниных, лишь несколько писем – от самого писателя, при этом все они обращены непосредственно к главному меценату: «Дорогой Исаак Вениаминович, Ваш чек на сто двадцать тысяч франков мы нынче получили. От всей души благодарю» [*Литературное наследство* 1973: 348]. В основном это просительные послания, составленные Верой Николаевной Буниной:

Иван Алексеевич очень просит вас, дорогой Исаак Вениаминович, опять прийти к нам на помощь, и еще вот что: в счет этих денег дать Галине Николаевне⁵ [...] Иван Алексеевич очень просит дать их теперь же ... (10 марта 1952) [*Литературное наследство* 1973: 348].

Вспомним, что И.А. Бунин пожизненно получал финансовую помощь от своего одесского друга Михаила Цетлина – наследника семьи часторговцев, пробовавшего себя в эмиграции в роли критика и поэта, печатавшегося под псевдонимом Амари. Цетлин редактировал отдел поэзии в журнале

⁴ Иссаак Вениаминович Кодрянский – муж Н. Кодрянской, стоматолог по профессии и бизнесмен по призванию. В РГАЛИ хранятся «Расписки А.М. Ремизова в получении от Н.В. и И.В. Кодрянских денег». Ф. 420 оп. 4 ед. хр. 41.

⁵ Галина Николаевна Кузнецова – поэт, поклонница и ученица И.А. Бунина, много лет жившая в семье писателя в Грассе, написавшая книгу воспоминаний о Бунине *Грасский дневник*. Именно Галина Кузнецова познакомила чету Кодрянских с Буниным.

«Современные записки» (Париж), а в 1940 годы стал основателем и редактором «Нового журнала» (Нью-Йорк). В свою очередь, В.Н. Бунина была знакома с Марией Цетлиной, помогала ей в обществе «Быстрая помощь» и в кружке «АМАUR» (аббревиатура от «Amis auteurs russes» – «Друзья русских писателей»), созданном под председательством И.А. Бунина в конце 1930-х годов для помощи русским писателям.

Восстанавливая историю встреч с Буниным, отбирая письма и фотографии, мемуаристка будто бы пишет сценарий о последней любви писателя, впрочем, он подсказан самим Буниным. В последний год жизни, следуя логике литературной игры, Бунин дарит Кодрянской фотографию, сделанную еще в 1903 году, и сопровождает ее следующей надписью: «Дорогая Наташа, целую вас и прошу простить: подурнел я немножко за полвека!» [*Литературное наследство* 1973: 344].

Показательна более ранняя дарственная надпись Бунина – на форзаце его *Избранных стихов*:

Н.В. Кодрянской. Дорогая Наташа, прекрасная Лорелея, не взирая на Ремизова, распускающего слухи, что он гораздо красивее меня, я дерзнул в вас влюбиться и признаюсь вам в этом словами Карла Ивановича Мауера из *Детства* Льва Толстого ... [*Литературное наследство* 1973: 344].

Нарочитая ирония по поводу экстравагантной внешности Ремизова свидетельствует о бунинском азарте в сопернической игре. Ремизов же, как и Шмелев, направил оставшиеся ресурсы жизнетворчества на переписку с «музой». Как и Шмелев, он предостерегает свою ученицу, пишущую сказки, убеждая ее в том, что он единственный мастер-сказочник:

Великий Муфтий хвалил вас (не за сказки). А я – за сказки. [...] Никакой Муфтий, никакой Благочинный (Шмелев) сказок не пишут: это закрыто для их глаз. Одна трудность, надо деньги, чтобы издать сборник. Только сказки [*Ремизов в своих письмах* 1977: 146].

В одном из последних писем своей ученице Ремизов рассказывает о том, «как научиться писать»: «Слова надо оголОсить и оцветИть», – и приводит пример такого «оголошенного» слова: «шмель – бунчит» [Ремизов 2008: 329]. Металитературный намек этого замечания, как нам представляется, относится не столько к И.С. Шмелеву, сколько к И.А. Бунину.

Дело в том, что в часто цитируемом Ремизовым словаре В. Даля слово «бунчать» действительно означает «петь про себя, вполголоса, глухо; о пчелах: жужжать» [Даль 2003: 141]. Приводится в словаре и другой вариант: «бунить – гудеть, издавать глухой звук, гул, рев» [Даль 2003: 141]. Особенно интересно, что Даль приводит и отглагольное существительное «буня», что означает «спесивый, чванный человек» [Даль 2003: 141]. Ремизов намекает на то, что в самой фамилии Бунина звукосемантически отражаются такие особенности характера, как спесь, раздражительность, эгоцентризм, мания величия.

Письмо Бунина к Кодрянским от 20 октября 1953 года свидетельствует о том, что писатель до последних дней старался выдерживать игровой стиль отношений со своей корреспонденткой. На рисунке-карикатуре, наклеенном на письмо, изображена корпулентная блондинка в мехах, ведущая за руку маленького лысого мальчика в очках, очень похожего на Ремизова. Под рисунком привычное бунинское «бунчание»:

Милые Кодрянские, шлю вам сердечный поклон – и портрет вашего воспитанника: его мама привела его, в ту пору еще совсем маленького, учиться возвращать испорченный всеми нами (во главе с Пушкиным) русский язык на его «исконный», «истинно-русский лад» [*Литературное наследство* 1973: 347].

В 1957 году Георгий Иванов в поздравительном эссе *К восьмидесятилетию А.М. Ремизова* в ироничной манере озвучивает эмигрантский окололитературный дискурс:

Мне случайно попала в «беспартийно-национальном» журнальчике «Русские в Австралии» забавная заметка: *Какие книги читает русский эмигрант*. О Бунине там сказано: «Его читают главным образом молодящиеся дамы из старой эмиграции. Остальным клиентам “австралийских библиотек” он неприятен и вызывает единодушное удивление: “и за что только ему дали премию Нобеля”». После Бунина там же и о Ремизове: «Трудно говорить о Ремизове как о русском писателе. Пишет он на собственном языке, понятном только ему самому и разве его маме» [Иванов 2003: 60].

Библиография

- Даль В., 2003, *Толковый словарь живого великорусского языка*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 1, Москва.
- Иванов Г., 2003, *К восьмидесятилетию А.М. Ремизова*, [в:] *Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И.В. Чиннова*, Москва.
- Литературное наследство*, 1973, т. 84: Иван Бунин, кн. 2, Москва.
- Резникова Н., 1980, *Огненная память: воспоминания о Алексее Ремизове*, Berkeley.
- Ремизов в своих письмах*, 1977, сост. Н. Кодрянская, Париж.
- Ремизов А., 2008, *Рукописные книги: из разных моих книг и на разные случаи, гадаюне данное людям от Бурхана-Мандзышира, как научиться писать*, Санкт-Петербург.
- Ремизов А., 2000, *Центурион*, [в:] его же, *Собрание сочинений: в 10 томах*, т. 10: *Петербургский буерак, Мышкина дудочка*, Москва.
- Розанов Ю., 2008, *И.С. Шмелев и А.М. Ремизов. Из комментариев к «Центуриону»*, [в:] *Наследие И.С. Шмелева: текст, контекст, интертекст*, Алушта, с. 342–352.

- Шмелев И., 2005а, *Роман в письмах*, [в:] *Переписка с О.А. Бредюс-Субботиной. Неизвестные редакции произведений: в 2 частях*, т. 3 (дополнительный), ч. 1, Москва.
- Шмелев И., 2005б, *Роман в письмах*, [в:] *Переписка с О.А. Бредюс-Субботиной. Неизвестные редакции произведений: в 2 частях*, т. 3 (дополнительный), ч. 2, Москва.

Transliteration

- Dal' V., 2003, *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo âzyka*, [v:] ego že, *Sobranie sočinenij v 4 tomah*, t. 1, Moskva.
- Ivanov G., 2003, *K vos'midesâtiletiû A.M. Remizova*, [v:] *Pis'ma zaprešennyh lûdej. Literatura i žizn' èmigracii. 1950–1980-e gody. Po materialam arhiva I.V. Činnova*, Moskva.
- Literaturnoe nasledstvo*, 1973, t. 84: *Ivan Bunin*, kn. 2, Moskva.
- Reznikova H., 1980, *Ognennaâ pamât': vospominaniâ o Aleksee Remizove*, Berkeley.
- Remizov A., 2008, *Rukopisnye knigi: iz raznyh moih knig i na raznye slučai, gadan'e dannoe lûdâm ot Burhana-Mandzyšira, kak naučit'sâ pisat'*, Sankt-Peterburg.
- Remizov A., 2000, *Centurion*, [v:] ego že, *Sobranie sočinenij v 10 tomah*, t. 10: *Peterburgskij buerak, Myškina dudočka*, Moskva.
- Rožanov Ū., 2008, *I.S. Šmelev i A.M. Remizov. Iz kommentarijev k «Centurionu»*, [v:] *Nasledie I.S. Šmeleva: tekst, kontekst, intertekst*, Alušta, s. 342–352.
- Šmelev I., 2005, *Roman v pis'mah*, [v:] *Переписка с О.А. Бредюс-Субботиной. Неизвестные редакции произведений: в 2 частях*, т. 3 (дополнительный), ч. 1, Москва 2005.
- Šmelev I., 2005, *Roman v pis'mah*, [v:] *Переписка с О.А. Бредюс-Субботиной. Неизвестные редакции произведений: в 2 частях*, т. 3. (дополнительный), ч. 2, Москва 2005.

Summary

The Histories of Apprenticeship Combined with Philanthropy and Their Artistic Reflections: Bunin – Remizov – Shmelev

The article collects and comments on evidence of philanthropy that accompanied the literary apprenticeship of novice female writers from major masters of “first-wave” Russian Émigré – Bunin, Remizov and Shmelev. These quasi-literary relations, as shown in the article, stimulated a rivalry between the named writers, which was reflected in their mutual ironic nominations and characteristics used in correspondence and memoir or biographical texts. As a rule, female apprentices did not fully understand all the latent hints and hidden subtleties of the artistic discourse peculiar to major writers of the Silver Age. Nevertheless, their letters gave some additional impulses to old masters' competitiveness.

The survived correspondence between I. Shmelev and his apprentice (and benefactor) O. Bredius-Subbotina may be interpreted as a sort of epistolary novel. These letters had affected greatly style and plot of the new edition of Shmelev's famous book

Leto Gospodne. In turn, the letters between A. Remizov and his “benefactor-student” N. Kodrianskaia had worked as a mighty source of inspiration for the latter and resulted in her books *Remizov in his Letters* (1977) and *Rukopisnye knigi* (*Manuscript Books*), which in fact are manuals on creative writing.

Key words: *philanthropy, epistolary prose, memoirs, writers' rivalry*

